

DOI 10.15826/qr.2016.4.192

УДК 821.161.1Чехов+94(571.642)+343.26(576.642)+7.036.1

САХАЛИНСКИЙ ОПЫТ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА*

Фульвио Франчи

Университет Буэнос-Айреса,
Буэнос-Айрес, Аргентина

THE EXPERIENCE OF SAKHLIN IN CHEKHOV'S WORKS

Fulvio Franchi

Universidad de Buenos Aires,
Buenos Aires, Argentina

The author maintains that his journey to Sakhalin provided Chekhov with a new perspective on a harsh reality that was little known to the public. This problem concerned Chekhov a lot, and after his trip he wrote a scholarly and statistical work about his experience, thinking he would awaken society's conscience. In *Sakhalin Island*, he offers his testimony as a humanist of what he saw, heard and lived through on the island. Even though Chekhov's trip to Sakhalin Island was an important event in the author's life, he did not often write about his experiences there in his works of fiction. Except for works where Chekhov mentions Sakhalin directly (*The Murder*), the author analyses many works that reflect Chekhov's Sakhalin experience in the representation of the characters, in their way of thinking (*The Murder, In Exile*), or in their personal understanding of confinement (*Ward N° 6*). The author argues that Chekhov accentuates many "sore points" of the 20th century. Finally, the author concludes that Chekhov's writing has a general spirit known as "dead silence", which can be found in the creative works of many 20th-century artists.

Keywords: 19th-century Russian literature; A. P. Chekhov; Sakhalin Island; prison; realism; humanism.

* *Citation:* Franchi, F. (2016). The Experience of Sakhlín in Chekhov's Works. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192.

Цитирование: Franchi F. The Experience of Sakhlín in Chekhov's Works // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192 / Франчи Ф. Сахалинский опыт в творчестве Чехова // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 84–93. DOI 10.15826/qr.2016.4.192.

Проводится мысль о том, что путешествие Чехова на остров Сахалин через Сибирь открыло ему глаза на суровую реальность, плохо известную русской публике, – жизнь ссыльных и заключенных на каторге. Эта проблема очень волновала Чехова, после путешествия он написал о своем опыте научное и статистическое сочинение, думая, что таким образом он разбудит совесть общества. В книге «Остров Сахалин» он как гуманист свидетельствует о том, что сам видел, слышал и пережил. Хотя чеховское путешествие на Сахалин было важным эпизодом в жизни автора, в художественных произведениях он не часто пишет о своих впечатлениях от пребывания на этом острове, на котором он посетил тюремные лагерь и узнал о жизненных трудностях заключенных, поселенцев, чиновников и других жителей. Рассмотрены не только те произведения Чехова, в которых обнаруживаются буквальные упоминания об острове («Убийство»), но и те, в которых сахалинский опыт отразился либо в изображении действующих лиц, либо в изложении их образа мыслей («Убийство», «В ссылке»), либо в важности темы заключения для них в общественном и личном смысле («Палата № 6»). Отмечено, что в творчестве Чехова акцентируются «больные точки» сознания людей XX в. Делается вывод об общем колорите произведений писателя, который определяется как «мертвая тишина» и близость к которому обнаруживается в творчестве ряда художников XX столетия.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А. П. Чехов; «Остров Сахалин»; тюрьма; реализм; гуманизм.

О важности путешествия на остров Сахалин в жизни Антона Павловича Чехова написано много. Но какое значение имело это путешествие для его творчества, для изменения характера его повествования? Какое влияние оказало на выбор тем, на создание образов героев, на взгляды на человека и окружающий его мир, изложенные в произведениях?

На первый взгляд, прямое влияние невелико, так как в произведениях, написанных Чеховым после 1890 г., то есть после его возвращения с острова, само слово «Сахалин» встречается крайне редко, хотя он посвятил работе над сахалинской книгой почти пять лет (она вышла из печати отдельным изданием в 1895 г.). Вопросы, связанные с темой жизни в тюрьме и с изображением заключенных, в творчестве Чехова достаточно редки, их можно найти лишь в нескольких рассказах, о которых и пойдет речь в этой статье. Согласимся с А. И. Роскиным: «О поездке на Сахалин напоминают только немногие произведения Чехова. Рассказы “Гусев”, “В ссылке”, отчасти “Убийство”, некоторые подробности “В овраге” – вот и все, что почерпнул Чехов из “целого сундука всякой каторжной всячины”, который он привез с Сахалина. Но впечатления и мысли, которыми жил Чехов в дни своего путешествия, глубоко отразились на всем мировоззрении писателя» [Роскин, с. 42].

Тогда возникает резонный вопрос: почему в художественных произведениях Чехова почти нет упоминаний об этом «спуске в ад», как он сам определил свое путешествие на Сахалин в письме к А. С. Суворину (П., т. 4, с. 138), в котором любой другой художник нашел бы множество тем, сюжетов, лиц и т. д. и которыми пользовался бы в своих художественных произведениях¹. Так, например, сделал Ф. Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома», где художественно изображено то, что писатель пережил на каторге. Конечно, нельзя забывать о том, что Достоевский был жертвой тюремного заключения, он сам долго находился на каторге, но Чехов тоже имел возможность наблюдать жизнь каторги, разговаривать с заключенными, присутствовать при многих сценах этого «унижения человека», которое он видел везде на Сахалине (С., т. 14–15, с. 152). Чехов говорил, что на Сахалине он «видел всё» (П., т. 4, с. 133). Это правда, но, как ни странно, именно там, за тысячи километров от родины, он впервые столкнулся столь близко «с подлинной российской действительностью» [Роскин, с. 41]. Путешествие было полно не меньших трудностей, и рассказ об этих трудностях поражает сегодняшнего читателя, как поражал он современников Чехова.

О трудностях своего путешествия он поведал в путевых записках, позже названных «Из Сибири», а также в переписке, особенно подробно – в письмах к А. С. Суворину, своему другу и редактору журнала «Новое время», где и были опубликованы эти записки. Это было путешествие, которое длилось почти восемь месяцев, частью по Сибирскому тракту, то есть по «самой большой и, кажется, самой безобразной дороге во всем свете» (С., т. 14–15, с. 28), и в конце его Чехов написал в письме Суворину 9 декабря 1890 г.:

Ура! Ну вот, наконец, я опять сижу у себя за столом. <...> У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дому. Здоров и благополучен до мозга костей. <...> Пробыл я на Сахалине... 3 месяца плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная. <...> Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, *Сахалин представляется мне целым адом* (здесь и далее выделено нами. – Ф. Ф.) (П., т. 4, с. 139).

Действительно, судя по тому, что Антон Павлович написал в своей книге «Остров Сахалин», легко понять эти ощущения: горечь пребывания на острове передана во многих эпизодах книги, например, когда Чехов присутствовал при наказании бродяги Прохорова в Дуэ (гл. 21) или в главе о сахалинских детях (гл. 17).

Итак, Сахалин представился писателю «целым адом», он стал свидетелем реальной действительности в ее самых жестоких проявле-

¹ Здесь и далее все цитаты из чеховских текстов приводятся с указанием в круглых скобках номера тома сочинений (С.) или писем (П.) и страницы по изданию: [Чехов].

ниях. Чехов был настоящим гуманистом, и человеческое страдание глубоко волновало его. Вероятно, выражать в художественной форме такие тяжелые впечатления он считал пустячным, как считал пустячными те рассказы, которые опубликовал до своей сахалинской поездки. Об этом писал И. Эренбург: «Я не уважаю того, что пишу», – говорил он; называл свои рассказы и повести “пустяками”; добавлял: “Меня будут читать лет семь, ну, семь с половиной, а потом забудут” [Эренбург, с. 8].

Согласно Илье Эренбургу, «поездка на Сахалин не расходится с жизнью Антона Павловича, она входит в его биографию, в его творчество. Может быть, и “Остров Сахалин”, и то, чего не написал о своей поездке, лучше многого другого объясняют нам как душевную природу Антона Павловича, так и его отношение к искусству. <...> Его книга “Остров Сахалин” скорее труд медика, нежели очерки художника. Он выбросил из нее все, что казалось ему занимательным, театральным, исключительным... В его книге есть глава “Рассказ Егора”, которая могла бы стать новеллой, но и здесь Чехов сознательно ограничивал себя, боялся художественным раскрытием героя поставить под сомнение документальный характер “Острова Сахалина” [Там же, с. 41–42, 44].

В девятой главе «Острова Сахалина» Чехов пишет:

...В Дербинском в это дождливое грязное утро были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти (С., т. 14–15, с. 152).

Здесь мы отчетливо понимаем, что для него это такой опыт впечатлений и переживаний, о котором нельзя написать лишь «художественно». Это компромисс, миссия не только писателя-художника, но и честного человека, которому надо выбирать, что писать: повести, романы или же «свидетельства». Книга «Остров Сахалин» является таким «свидетельством» честного человека, тронутого реальностью, в которой повседневная жизнь представляла собой непрерывное унижение человеческого достоинства, и не только в случае каторжников, но и в случае переселенцев, чиновников, солдат, надзирателей, врачей и т. д. Все люди на острове были «приговорены» к скуке, тоске по родине, грубости и варварству. Поэтому главой, которая, быть может, более всего волнует читателя, является семнадцатая – та, в которой рассказано о сахалинских детях: для них, еще совсем невинных, драма заключается в том, что их жизнь уже безнадежна.

Пример того, что Чехов прежде всего (в особенности, прежде художника) гуманист, можно найти в его записках «Из Сибири». Он писал и немедленно посылал их для публикации в газете «Новое время». В частности, в записи, датированной 18 мая 1890 г., писатель подробно и глубоко размышляет о лживости того, что «смертная казнь практикуется теперь только в исключительных случаях», так как ее заме-

нили высшими карательными мерами, у которых есть самая важная цель – «удаление преступника из нормальной человеческой среды навсегда» (С., т. 14–15, с. 25). Но такова же цель сумасшедшего дома в повести «Палата № 6».

Писатель говорит о равнодушии общества к судьбе преступников, как будто они не были частью его самого. В записи от 18 мая Чехов пишет:

...Мы совершенно не знаем, что такое тюрьма и что такое ссылка. <...>
Две-три статейки, два-три имени, а так хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги (Там же, с. 26).

Он настаивает на том, что надо искать причины бытовой жестокости в «чрезвычайной необразованности нашего русского юриста», и добавляет, говоря о последнем, что он

...только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уже дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами! (Там же).

Это не речь писателя, а речь человека, глубоко не согласного со своим обществом и со своей человеческой природой. Поставленная им проблема равнодушия общества и конкретных его представителей остро звучит в книге «Остров Сахалин» и в гораздо меньшей степени – в его художественных произведениях.

Давно замечено, что после сахалинской поездки, столь важной в жизни Чехова, лишь малая часть всех полученных им впечатлений отразилась в его последующем творчестве. По крайней мере, я нашел прямое упоминание Сахалина только в чеховском рассказе «Убийство». Героев, чьими прототипами стали бы какие-то реальные лица, всего несколько, например, это старый бродяга по прозвищу Красивый (гл. 4). В рассказе «В ссылке» (1892) также есть герой, который определенно соотносится с ним.

Но кроме этих точных соответствий, есть нечто иное, более интересное и важное для понимания чеховского мира, в особенности для его мировоззрения этих лет. В частности, в одном из наиболее известных произведений писателя – повести «Палата № 6» (1892) – звучит одна из главных тем, отражающих влияние сахалинского опыта, – тема заключения и жестокого обращения с арестантами. Думаю, что эта тема воплотилась в чеховском творчестве именно после поездки на Сахалин и благодаря ей. Как отметил И. Н. Сухих: «Чехов не писал о Сахалине, но он “писал Сахалином”» [Сухих, с. 84].

Действительно, в «Палате № 6» можно найти ситуации и эпизоды, очень похожие на те, что были описаны в книге «Остров Сахалин». А. Роскин пишет, что «О “Палате № 6” можно говорить как о повести,

продиктованной Сахалином», что становится особенно заметно, когда оба произведения читаются параллельно [Роскин, с. 215].

Во-первых, в описаниях больницы (особенно палаты № 6) и сахалинских тюрем (на примере лазаретов) есть много общего. В «Палате № 6»: «Окна внутри обезображены железными решетками», что создает впечатление настоящей тюремной камеры (С., т. 8, с. 73). При первом описании палаты № 6 рассказчик намекает на запах, который там господствует: «...эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец» (Там же). В книге «Остров Сахалин» (например, гл. 5) Чехов подробно описывает тот воздух, которым вынуждены дышать заключенные в Александровской ссыльнокааторжной тюрьме:

На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые бутылки из-под молока... под нарами сундучки, грязные мешки, узлы, инструменты и разная ветошь... <...> Всё это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым... <...> Надо или признать общие камеры уже отжившими и заменить их жилищами иного типа... или же мириться с нечистотой как с неизбежным, необходимым злом и измерения испорченного воздуха кубическими саженями предоставить тем, кто в гигиене видит одну только пустую формальность... (С., т. 14–15, с. 88, 92).

Описание безнадежных умалишенных палаты № 6 как заключенных сюда навсегда, фактически арестантов (самый умный и трезво мыслящий из них Громов), увеличивает сходство больницы с тюрьмой. Когда доктор Андрей Ефимыч Рагин посещает палату № 6 и знакомится с Громовым, последний восклицает: «За что вы меня здесь держите?» (С., т. 8, с. 95). Понятия психиатрической больницы и тюрьмы очень близки, так как главный принцип обоих – это принцип заключения, несвободы человека. Но для того чтобы заключение было действенным, совершенно необходимо выполнение еще одного главного требования тюремной жизни – наличие строгого надзирателя.

В «Палате № 6» эту роль играет сторож Никита, который убежден, что «их (курсив Чехова. – Ф. Ф.) надо бить... без этого не было бы здесь порядка» (Там же, с. 72). Он не менее жесток, чем сахалинские надзиратели и сторожа, и не сомневается в своем праве, когда в последней сцене повести ему «надо» сильно бить своего бывшего врача Андрея Ефимыча, ставшего теперь пациентом.

Сходство палаты № 6 с тюрьмой так очевидно, что оно прямо выражается Иваном Громовым:

Допустим, что я предательски ловлю вас на слове, чтобы выдать полиции. Вас арестуют и потом судят. Но разве в суде и в тюрьме вам будет хуже, чем здесь? А если сошлют на поселение и даже на каторгу, то разве это хуже, чем сидеть в этом флигеле? Полагаю, не хуже... (Там же, с. 99).

По моему мнению, «Палата № 6» – одно из самых важных и характерных произведений А. П. Чехова, очевидно вдохновленное сахалинским опытом². Рассмотрим еще два рассказа, в которых этот опыт проявляется в прямой форме.

Рассказ «Убийство» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1895 г. Несомненно, что сама его тема «привезена» Антоном Павловичем с Сахалина. Первая запись, имеющая отношение к рассказу, внесена в записную книжку еще во время пребывания писателя на острове (см.: (С., т. 9, с. 479–486)). В восьмой главе книги «Остров Сахалин» Чехов обратил внимание на преступника по фамилии Терехов (см. комментарий М. Л. Семановой: (С., т. 14–15, с. 828); см. также: [Высоков, с. 291]). У главного персонажа рассказа «Убийство» сходство с ним наблюдается не только в фамилии, но и в возрасте, и во внешности. Яков Иванович был «очень красивый старик высокого роста с широкою седою бородой почти до пояса и с густыми бровями, придававшими ему лицу суровое, даже злое выражение» (С., т. 9, с. 144). О сахалинском Терехове Чехов рассказывает:

...глядя на его мутные оловянные глаза и большой, наполовину бритый, угловатый, как булыжник, череп, я готов был верить всем этим рассказам (С., т. 14–15, с. 132).

Описания обоих Тереховых оставляют тяжелое впечатление. Содержание сотен рассказов, которые Чехов услышал от арестантов и от людей, близких к каторге, было неинтересным и ординарным, но этот Терехов с Сахалина, который произвел на Чехова «впечатление настоящего злодея», убил 60 человек: он высматривал арестантов-новичков, какие побогаче, сманивал их бежать с каторги вместе и потом в тайге убивал их, резал трупы и бросал в реку [Чехов, т. 14–15, с. 132]. Одним словом, он был настоящим зверем.

Яков Иванович из рассказа «Убийство» убил двоюродного брата, судили также его жену, дочь и соседа за соучастие в преступлении. Все четверо были отправлены в ссылку, Яков Иванович попал на Сахалин. Последняя глава начинается описанием, похожим на первые впечатления Чехова во время его прибытия на остров:

На Дуэйском рейде на Сахалине поздно вечером остановился иностранный пароход и потребовал угля (С., т. 9, с. 158).

В рассказе повторяется много фактов и впечатлений, пережитых и полученных Чеховым во время его сахалинской поездки. Описания погоды и берегов Татарского пролива похожи на те, что были сделаны в книге «Остров Сахалин», таковы же картины работы в руднике, тоски по родине, попытки к бегству, наказания плетьюми и т. д.

² Исследователь А. Д. Степанов вообще рассматривает образ тюрьмы как ведущий тип хронотопа во многих произведениях Чехова после Сахалина [Степанов]. См. также: [Катаев, с. 62–69].

Рассказ «В ссылке» тоже напоминает о сахалинском опыте Чехова, хотя и в другом смысле (см. о нем также: [Дуркин]). Один из его персонажей – бродяга Толковый, чьим прототипом был бродяга Красивый из «Острова Сахалина».

В беседах с заключенным по прозвищу Татарин Толковый проповедует свою философию жизни, благодаря которой он способен переносить ссылку, одиночество. Он ничего не желает и думает, что в отсутствии всякого желания нашел счастье, так что даже восклицает: «Дай Бог всякому такой жизни» (С., т. 8, с. 43). Он говорит о себе:

Теперь довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет (Там же).

Барину, тоже сосланному сюда, он советует:

Ежели желаете для себя счастья, то первое всего ничего не желайте (Там же, с. 44).

Как и Толковый из рассказа Чехова, бродяга по прозвищу Красивый, с которым писатель познакомился на берегу реки Дуйки, водит паром. Это старик, который живет бедно, «одет в лохмотья и бос» (С., т. 14–15, с. 80). Он говорит, что его преступление «было всего, что из военной службы ушел». Дальше в его истории все было, как у многих на Сахалине: побег, каторга, плети... Но пока он жил на Сахалине, никогда не был наказанным: он говорит, что

...ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере. Потому что посылают лес пилить – иду, дают вот эту – беру, велят печи в канцелярии топить – топлю. Повиноваться надо. Жизнь – нечего Бога гневить, хорошая (Там же, с. 81).

Как и Толковый, Красивый обрел свою жизненную философию, которая помогает ему выжить в условиях каторги.

У другого героя рассказа, человека по прозвищу Татарин, тоже есть своя история вроде услышанной Чеховым на Сахалине и переданной в знаменитом «Рассказе Егора». Татарин и Егор – двое несправедливо осужденных. Мирозерцание Татарина и Егора похоже и в обоих случаях противоположно тому, что говорят и как мыслят Толковый и Красивый. Им присущ оптимизм, ожидание того, что их жизнь улучшится, тогда как у их антагонистов мы наблюдаем только отречение от жизни. Татарин очень надеется еще раз увидеть свою жену. Егор работает, делает все, что ему велят, ожидая закончить срок и выйти в поселенцы.

Сам Чехов признает, что история Егора неинтересна, как и большинство сахалинских историй:

Преступления почти у всех ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мере со стороны внешней занимательности, и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге (С., т. 14–15, с. 131).

Чехов не находит на каторге того человеческого душевного богатства, которое нашел в сходных условиях Федор Достоевский. Достоевский открыл мир, в котором живут хорошие люди и в котором существует возможность нравственного возрождения человека. Конечно, перед Достоевским стояла несколько иная задача – он реализовывал *художественный* замысел, воплотившийся в книге «Записки из Мертвого дома». Он создал образ героя-рассказчика Александра Петровича Горянчикова, не идентичный самому Достоевскому. Повествование Горянчикова надо воспринимать не как передачу действительного опыта Достоевского на каторге, а как изображение его внутреннего нравственного изменения, неважно, истинного или нет по отношению к реальности. Писатель не ставил перед собой задачу буквально передать то, что он видел и пережил.

Чехов же пытается свидетельствовать о том, что он сам реально видел на острове. Конечно, в его изложении появляются разные элементы повествования, например, истории разных людей, подчас напоминающие рассказы-анекдоты, с которых сам Чехов начинал свое творчество (таков, в частности, «Рассказ Егора»). Он передает личные впечатления от увиденного и услышанного, например:

В Дуэ всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибоя и гудению телеграфных проволок скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее (Там же, с. 132).

Прозой Чехова вообще владеет эта «мертвая тишина». В чеховских рассказах, повестях и даже в его пьесах нам, читателям, кажется, что в жизни действующих лиц ничего не происходит. Но когда мы заканчиваем читать, у нас остается ощущение, что там произошло *всё*. В чеховских произведениях всегда есть внутренняя трагедия – трагедия вселенской пустоты. Например, когда умирает герой «Палаты № 6», у читателя остается ощущение пустоты, и не столько от смерти конкретного человека, сколько от понимания безнадежности жизни. Все у Чехове ведет к безнадежности, так происходит во всех его рассказах и повестях. Поэтому можно определить основную проблему творчества Чехова как трагедию пустоты. Она отражается и в пейзаже. Вообще пейзажи чеховских рассказов не столько реальные, сколько экзистенциальные, метафизические. Чехов – предтеча

писателей XX в., таких как Франц Кафка, Дино Буццати и Хуан Рульфо. В душах героев (или антигероев) Кафки тоже обнаруживается та самая пустыня, что открывается в душе чеховских персонажей. Чехов является предвестником тех писателей, которые лучше всего выразили трагедию одиночества, отречения, отсутствия желаний, предрешенности судьбы человека XX в. Может быть, он был одним из первых, кто в полной мере увидел и осознал эту молчаливую, беззвучную безнадежность жизни.

Список литературы

- Высоков М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток ; Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. 848 с.
- Дуркин Э. Модели художественного слова в чеховских рассказах «В ссылке» и «Студент» // Философия А. П. Чехова : междунар. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.): материалы / под ред. А. С. Собенникова. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2008. С. 44–59.
- Катаев В. Б. Чехов плюс... : Предшественники, современники, преемники. М. : Языки славян. культуры, 2004. 392 с.
- Роскин А. И. А. П. Чехов : статьи и очерки. М. : Госиздат худож. лит., 1959. 432 с.
- Степанов А. Д. «Сахалинский хронотоп» как основа поэтики позднего Чехова // А. П. Чехов и Сахалин: взгляд из XXI столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–22 сент. 2010 г. / Правительство Сахалин. обл. ; мин-во культуры Сахалин. обл. ; Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск : Колорит, 2011. С. 23–28.
- Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Рус. лит. 1985. № 3. С. 72–84.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
- Эренбург И. Г. Перечитывая Чехова. М. : Госиздат худож. лит., 1960. 111 с.

References

- Chekhov, A. P. (1974–1983). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. Pis'ma : v 12 t.* [Complete Works and Letters: 30 Vols. Letters: 12 Vols.]. Moscow, Nauka.
- Durkin, E. (2008). *Modeli khudozhestvennogo slova v chekhovskikh rasskazakh "V ssylke" i "Student"* [Models of Artistic Writing in Chekhov's Short Stories *In Exile and The Student*]. In Sobennikov, A. S. (Ed.). *Filosofiya A. P. Chekhova : mezhdunar. konf. (Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006 g.) : materialy* (pp. 44–59). Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta.
- Erenburg, I. G. (1960). *Perechityvaya Chekhova* [Rereading Chekhov]. 111 p. Moscow, Gosizdat khudozhestvennoy literatury.
- Kataev, V. B. (2004). *Chekhov plus... : Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus... Predecessors, Contemporaries, Successors]. 392 p. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Roskin, A. I. (1959). *A. P. Chekhov : stat'i i ocherki* [A. P. Chekhov: Articles and Essays]. 432 p. Moscow, Gosizdat khudozhestvennoy literatury.
- Stepanov, A. D. (2011). *"Sakhalinskiy khronotop" kak osnova poetiki pozdnego Chekhova* [The Sakhalin Chronotope as a Basis for Chekhov's Later Works]. In *A. P. Chekhov i Sakhalin: vzglyad iz XXI stoletiya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 21–22 sent. 2010 g.* / Pravitel'stvo Sakhalinskoy oblasti ; ministerstvo kul'tury Sakhalinskoy oblasti ; Sakhalinskiy gos. un-t. (pp. 23–28). Yuzhno-Sakhalinsk, Kolorit.
- Sukhikh, I. N. (1985). *"Ostrov Sakhalin" v tvorchestve Chekhova* [Sakhalin Island in Chekhov's Creative Work]. In *Russkaya literatura*, 3, pp. 72–84.
- Vysokov, M. S. (2010). *Kommentary k knige A. P. Chekhova "Ostrov Sakhalin"* [A Commentary for A. P. Chekhov's *Sakhalin Island*]. 848 p. Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk, Rubezh.

The article was submitted on 27.05.2016